

Л. Д. ТРОЦКИЙ

Марксизм и современность*

<Фрагмент>

<...>

Фашизм и «Нью Дил»

Два метода спасения империализма борются ныне на мировой арене: фашизм и «Нью Дил», во всех их разновидностях. Фашизм основывает свою программу на разгроме рабочих организаций, на уничтожении социальных реформ и на полной ликвидации демократических прав во избежание возрождения классовой борьбы пролетариата. Фашистское государство официально узаконивает деградацию рабочих и пауперизацию мелкой буржуазии во имя спасения «нации» и «расы»: под этим высокомерным именем фигурирует загнивающий капитализм.

Политика «Нью Дил», пытающаяся путем подачек рабочей и фермерской аристократии спасти империалистскую демократию, доступна в широком объеме только очень богатым нациям и в этом смысле является американской политикой *par excellence*. Часть расходов этой политики правительство пыталось переложить на монополистов, убеждая их поднять заработную плату и сократить рабочий день, чтоб таким путем повысить покупательную силу населения и расширить производство. Леон Блюм пробовал переводить ту же проповедь на французский язык низшей школы. Тщетно! Французский капиталист, как и американский, производит не для производства, а для прибыли. Он всегда готов сократить производство, даже уничтожить готовые продукты, если при этом повысится его собственная доля в национальном доходе.

---

* Впервые: Архив Л. Д. Троцкого. Т. 9. Печатается по этому изданию. — *Примеч. сост.*

Программа «Нью Дил» тем более противоречива, что, читая проповеди магнатам капитала о преимуществах обилия над скудостью, правительство выдает премии за сокращение производства. Нельзя больше запутаться! Своим критикам правительство отвечает вызовом: попробуйте сделать лучше. Но это значит лишь, что на основах капитализма положение безвыходно.

Начиная с 1933 г., т. е. в течение последних шести лет, федеральное правительство, штаты и муниципалитеты выдали безработным около 15 миллиардов долларов пособий: сумма, совершенно недостаточная сама по себе и представляющая лишь меньшую половину потерянной заработной платы, но в то же время колоссальная при падающем национальном доходе. В течение 1938 г., который был годом относительного экономического оживления, государственный долг Соединенных Штатов повысился на 12 миллиардов и перевалил за 38 миллиардов долларов, на 12 миллиардов выше наиболее высокой точки к началу войны. А дальше? Нельзя жить без конца за счет прошлых поколений. Политика «Нью Дил», с ее фиктивными достижениями и реальным ростом государственного долга ведет неизбежно к бешеной капиталистической реакции и грандиозному взрыву империализма. Она направляется, иначе сказать, в те же каналы, по которым протекает политика фашизма <...>.

Аномалия или правило?

Г[осподин] Икес, секретарь внутренних дел в Вашингтоне, считает «одной из самых удивительных аномалий во всей истории» тот факт, что Америка, демократическая по форме, является аристократической по существу:

«Америка — страна господства большинства, но контролируемая, по крайней мере, до 1933 г. (!), монополиями, которые, в свою очередь, контролируются ничтожным числом держателей акций».

Диагноз поставлен правильно, за исключением намека на то, что с пришествием Рузвельта господство монополий прекратилось или ослабело. Но то, что Икес называет «одной из самых удивительных аномалий во всей истории», является на самом деле непререкаемой нормой капитализма. Владычество сильных над слабыми, немногих над многими, эксплуататоров над трудящимися представляет основной закон буржуазной демократии. Что отличает Соединенные Штаты от других стран — это лишь больший размах

и большая обнаженность противоречий капитализма. Отсутствие феодального прошлого, богатая природа, энергичное и предприимчивое население, — словом, все те преимущества, которые предвещали непрерывное развитие демократии, обеспечили на самом деле фантастическую концентрацию богатств.

Обещая на этот раз довести борьбу до победы над монополиями, Икес неосторожно ссылаясь на Томаса Джефферсона, Эндрю Джексона, Авраама Линкольна, Теодора Рузвельта и Вудро Вильсона, как на предшественников Франклина Рузвельта. «Практически, — говорил он 30 декабря 1937 г., — все наши величайшие исторические фигуры знамениты именно своей настойчивой и мужественной борьбой, имевшей задачей предупредить и контролировать сверхконцентрацию богатств и власти в немногих руках». Из слов самого оратора вытекает, однако, что плодом «настойчивой и мужественной борьбы» явилось полное господство плутократии над демократией.

Икес считает почему-то, что на этот раз победа будет обеспечена, если народ поймет, что борьба идет «не между “Нью Дил” и средним просвещенным деловым человеком, но между “Нью Дил” и бурбонами 60-ти семейств, которые подвели остальных деловых людей в Соединенных Штатах под террор своего господства». Авторитетный оратор не поясняет, каким образом удалось «бурбонам» подчинить себе всех просвещенных деловых людей, несмотря на демократию и противодействие «величайших исторических фигур». Рокфеллеры, Морганы, Меллоны, Вандербильты, Гуггенхаймы, Форды и К° не вторглись в Соединенные Штаты извне, как Кортес вторгся в Мексику: они органически выросли из «народа», точнее из класса «просвещенных промышленников и торговцев» и стали в соответствии с прогнозом Маркса естественным увенчанием капитализма. Если молодая и крепкая демократия не приостановила в свое время концентрации богатств, когда процесс только еще начался, можно ли поверить хоть на минуту, что загнивающая демократия способна ослабить классовые антагонизмы, достигшие крайнего предела? Опыт «Нью Дил», во всяком случае, не дает повода для оптимизма. *Опровергая обвинения крупных капиталистов против правительства, Роберт Джексон, высоко официальная правительственная фигура, показал с цифрами в руках, что в период Рузвельта прибыли магнатов капитала достигли такой высоты, о какой они разучились мечтать в последний период президентства Гувера,*

из чего вытекает, во всяком случае, что борьба Рузвельта против монополий увенчивается не бóльшим успехом, чем борьба всех его предшественников...

<...>

Марксизм в Соединенных Штатах

Североамериканская республика дальше всех ушла в области техники и организации производства. На этом фундаменте будут строить не только сами американцы, но и все человечество. Однако разные стороны общественного процесса у одной и той же нации имеют разные ритмы в зависимости от особых исторических условий. При грандиозном превосходстве технологии экономическая мысль Соединенных Штатов остается крайне отсталой, как на правом, так и на левом фланге. Джон Льюис держится примерно тех же взглядов, что и Франклин Рузвельт. Однако по характеру поста, который занимает Льюис, его общественная функция несравненно более консервативна, чтобы не сказать реакционна. В известных американских кругах склонны отвергать ту или другую радикальную теорию без малейшей научной критики, объявляя ее попросту «не американской». Где искать разграничительный критерий? Христианство было импортировано в Соединенные Штаты вместе с логарифмами, поэзией Шекспира, идеями прав человека и гражданина и некоторыми другими немаловажными продуктами человеческой мысли. В этом же ряду стоит ныне и марксизм.

Секретарь земледелия, Генри Уоллес, обвинил в печати автора этих строк в «крайне не американской догматической узости» и противопоставил русскому догматизму оппортунистический дух Джефферсона, который умел мириться с противником. [Господин] Уоллес не догадывается, видимо, что политика компромисса не есть функция бесплотного национального духа, а продукт материальных условий. Быстро богатящая нация имеет достаточные резервы для соглашений между враждебными классами и партиями. Когда, наоборот, социальные противоречия обостряются, почва под компромиссом исчезает. Америка была свободна от «догматической узости» только потому, что у нее было много девственных пространств, неисчерпаемые источники естественных богатств и безграничная, казалось, возможность обогащения.

Правда, и при этих условиях дух компромисса не предотвратил гражданской войны, когда пробил для нее час. Во всяком случае, те материальные условия, которые составляли основу «американизма», ныне все более уходят в прошлое. Отсюда глубокий кризис традиционной американской идеологии.

Эмпирическое мышление, ограничивающееся разрешением частичных задач от случая к случаю, казалось совершенно достаточным не только в буржуазных, но и в рабочих кругах, пока марксов закон стоимости думал за всех. Но ныне этот закон пришел в непримиримое противоречие с самим собою. Вместо того, чтобы двигать хозяйство вперед, он подкапывает его основы. Компромиссное, эклектическое мышление с его философским увенчанием, прагматизмом, становится совершенно недостаточным, а недоброжелательное отношение к марксизму, как к «догме», — все более несостоятельным, реакционным и прямо смешным. Безжизненной, окостеневшей «догмой» стали, наоборот, традиционные идеи «американизма»: они не порождают ничего, кроме ошибок и растерянности.

Тем временем экономическое учение Маркса приобрело для Соединенных Штатов особую жизненность и актуальность. Хотя «Капитал» опирается на интернациональный материал, по преимуществу английский, но в своей теоретической основе представляет собою анализ чистого капитализма как такового. Несомненно, что наиболее приближается к этому идеальному типу тот капитализм, который вырос на девственной, неисторической почве Америки.

С позволения г. Уоллеса, Америка развивалась экономически не по принципам Джефферсона, а по законам Маркса. В таком признании столь же мало обидного для национального самолюбия, как и в признании того, что Америка вращается вокруг солнца по законам Ньютона. *Чем дольше, однако, в Соединенных Штатах игнорировали Маркса, тем более повелительный характер принимает его учение в настоящее время. «Капитал» дает безошибочный диагноз болезни и незаменимый прогноз. В этом смысле учение Маркса гораздо более проникнуто новым «американизмом», чем идеи Гувера и Рузвельта, Грина и Льюиса <...>.*

Л. Троцкий

26 февраля 1939 г.
Койоакан

